

Эл Фрей

СЕКРЕТАРЬ ДЛЯ ТИРАНА

Босс. Секретарь. Кофе 68 °C.

18+

18

Эл Фрей

Секретарь для ТИРАНА

«Автор»

2026

Фрей Э.

Секретарь для ТИРАНА / Э. Фрей — «Автор», 2026

Вере двадцать три, и ей нужно четыре миллиона двести тысяч на операцию младшему брату. Поэтому она соглашается на должность, от которой отказались все: секретарь Артёма Громова, владельца строительной компании. Его называют тираном. Кофе должен быть ровно 68 °С, ответы «по данным», а «хорошо» в его устах означает «бегите». Громов не видит в новой помощнице ни женщины, ни даже человека. Только рабочий инструмент, который, как оказалось, считает лучше всего юротдела. Вера не собирается ни бояться, ни влюбляться. Но чашки остывают не по графику, записки появляются в ящике, а лёд в серых глазах начинает трескаться. Только у каждого из них есть секрет, который взорвёт всё, когда о нём узнают. Перепалки, тайный роман, офисные интриги и босс, который учится говорить «прости».

© Фрей Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ЧАСТЬ 1. ПРИЁМНАЯ	5
Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	15
Глава 6	17
Глава 7	20
Глава 8	24
Глава 9	28
Глава 10	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Эл Фрей

Секретарь для ТИРАНА

ЧАСТЬ 1. ПРИЁМНАЯ

Глава 1

Операция стоила четыре миллиона двести тысяч рублей.

Я перечитала цифру в письме из клиники раз пять, будто от этого она могла стать менее смертельной. Не стала. Четыре миллиона двести. На моём счёте лежало сто одиннадцать тысяч, и тридцать из них по праву принадлежали хозяйке съёмной квартиры, которая появлялась в день платежа с пунктуальностью налоговой инспекции.

– Вер, ты чего зависла? – Егор выглянул из комнаты с планшетом под мышкой. – Ты на чайник смотришь уже минуту. Он быстрее не закипит.

– Я его гипнотизирую.

– А, – кивнул брат с самым серьёзным видом. – Тогда ладно.

Ему десять. Он худой, лопоухий и непобедимый в «Майнкрафте». Ещё он умеет делать вид, что не замечает, как сестра по вечерам сидит на кухне с калькулятором и лицом человека, которого обманули при размене валюты. Врачи говорят, что с сердцем у него всё поправимо, если успеть вовремя. «Вовремя» в их устах означает «до весны». «Поправимо» означает «за деньги». Мама, пока была жива, повторяла, что всё в жизни поправимо. Теперь я знала цену этой фразе с точностью до рубля.

Когда Егор ушёл обратно к своим кубикам, я позвонила в банк. Приятная девушка с голосом, обработанным на заводе по производству вежливости, сообщила, что при моём доходе и наличии иждивенца одобрить такую сумму они не могут. Могут одобрить сто пятьдесят тысяч под двадцать шесть процентов, и то «в порядке исключения».

– А если я скажу, что мне очень нужно?

– Мы понимаем, – с чувством ответила девушка.

– Понимаете, но не одобряете?

– Именно так.

Я поблагодарила её за откровенность и повесила трубку. Потом позвонила в два фонда. Там сказали, что очередь огромная, а сбор можно открыть, но на него уйдут месяцы. Месяцев у нас не было.

Я сидела на кухне, смотрела в окно на соседнюю панельку и пыталась придумать, что можно продать. Почку не возьмут: у меня группа крови не та, да и мне она ещё пригодится. Машины нет. Квартиры нет. Есть ноутбук, два дипломных свидетельства и способность за сорок минут свести годовой бюджет предприятия.

Телефон пискнул. Лиля из бухгалтерии.

«Ты видела?»

И скриншот внутренней рассылки. Я прочитала его дважды.

«ВАКАНСИЯ. Личный помощник генерального директора. Оклад 180 000 руб. Требования: опыт работы в компании, стрессоустойчивость, отсутствие склонности к обморокам. График: ненормированный».

«Отсутствие склонности к обморокам» кто-то выделил курсивом. Видимо, из чистого сострадания.

«Это шутка?» – написала я.

«Если бы. Это четвёртый секретарь за три месяца. Последняя продержалась два дня. Рыдала в туалете на третьем этаже. Он сказал ей, что у неё "неубедительный почерк"».

«Почерк?»

«Почерк. Она потом ходила и всем показывала, как пишет. Выглядело нормально. Хотя я не эксперт».

Я откинулась на спинку стула. Сто восемьдесят тысяч. Мой нынешний оклад составлял пятьдесят пять. Разница между этими цифрами почти в точности равнялась разнице между «мы справимся» и «мы не успеем».

Артёма Громова я видела вживую раз шесть. Тридцатилетний владелец «ГромСтроя» двигался по коридорам, как ледокол по Арктике: сам спокойный и ровный, а вокруг с хрустом расходится лёд. Говорили, что он ни разу не повысил голос. Говорили, что ему и не нужно: достаточно один раз посмотреть. Один прораб якобы взял больничный после его совещания и вернулся только через две недели, постаревший и с новыми взглядами на жизнь. В его кабинете, по слухам, не было ни одной фотографии и ни одного растения, потому что растения «дохнут от страха».

Я в эти байки не верила. Я вообще мало во что верила, кроме таблиц. Но таблицы в тот вечер тоже говорили недвусмысленно: либо я иду в приёмную к тирану, либо Егор идёт на операцию слишком поздно.

«Лиль, – написала я. – А ты бы пошла?»

«Я? За любые деньги нет. Мне мама одна».

«А мне брат один».

Ответа не последовало. Видимо, Лилия поняла, что шутить тут больше нечем.

Я отложила телефон, подошла к двери комнаты и заглянула внутрь. Егор лежал на животе поперёк кровати и строил на экране нечто с башнями. Кончик языка высунут, ноги болтаются в воздухе, на пятке дырка в носке. Я вспомнила, как мы с мамой в последний раз сидели в такой же вечер на этой кухне. Она, уже очень худая, сказала: «Верунь, ты у меня упрямая. Это хорошо. Упрямство тоже можно пустить в дело».

Я вернулась за стол, открыла форму отклика и вписала всё честно: имя, должность, стаж. В графе «Почему вы хотите занять эту должность?» долго держала курсор. Потом написала: «Мне нужны деньги и я не боюсь начальства».

Стёрла. Написала: «Рассматриваю эту должность как возможность профессионального роста».

Перечитала. Меня передёрнуло. Я стёрла и это, оставила графу пустой и нажала «Отправить», пока не передумала.

На часах было 23:47. Для человека, который собирается просить работу у тирана, самое подходящее время. Тираны ведь тоже не спят. Они всю ночь придумывают, на ком бы сорваться утром.

Я выключила свет на кухне и пошла проверять, укрыт ли Егор. Он был укрыт. Только планшет всё ещё светился у него под рукой, как маленькая лампадка. Я тихо вытащила его, поставила на зарядку и поймала себя на том, что считаю: сто восемьдесят тысяч в месяц, двадцать четыре месяца, и можно выдохнуть. Или не двадцать четыре, потому что есть премии. Или не только премии, но и накопления. Или...

Нет, я не стану так. Не стану считать тирана своим спасением. Я просто попробую. Хуже уже не будет.

Хуже, как выяснилось на следующее утро, бывает всегда.

Глава 2

Собеседование назначили на следующий день в 8:00. Не в 9:00 и не в 8:30, а ровно в восемь, о чём меня оповестила безликая рассылка без единого «пожалуйста» и без подписи. Просто «Соколова В. Завтра. 8:00. Кабинет 1».

Я пришла в 7:40. Надела чёрный костюм, который берегла для похорон и деловых встреч, и туфли на каблуке, в которых умела ходить ровно сорок минут. Волосы стянула в пучок так, что глаза слегка поехали к вискам. На всякий случай накрасила ресницы. Если уж погибать, то с ресницами.

Приёмная генерального оказалась пустой. Секретарский стол стоял у стены, чистый, как операционный, и такой же неуютный. Ни кружки, ни фикуса, ни забытой резинки для волос. На нём лежала единственная бумажка, и я подошла к ней ближе, потому что не могу пройти мимо текста.

«Кандидат 4: уволена. Причина: кофе».

Внизу приписка от руки мелким наклонным почерком, который ничем не напоминал «неубедительный»: «Эспрессо. Без сахара. 68 °С. Не раньше 8:05».

Я прочитала это три раза. Шестьдесят восемь градусов. Не шестьдесят семь и не семьдесят. Я невольно представила человека, который стоит с градусником над чашкой, и мне стало почти весело. Почти.

Дверь кабинета открылась.

– Соколова?

Голос оказался ниже, чем я себе придумала. Ровный, без нажима, с лёгкой хрипотцой, будто хозяин слишком давно ни с кем не разговаривал для удовольствия.

Артём Громов стоял в дверях в тёмно-синем костюме, который сидел на нём как приговор. Высокий, плечистый, с резкими скулами и тёмными короткими волосами, он смотрел на меня так, как смотрят на смету, где наверняка прячется ошибка. Часы на запястье были дорогие и без единой лишней детали. Глаза серые, холодные. На меня он глянул ровно две секунды, и я почувствовала себя графой в таблице.

– Заходите. Вы рано.

– Вы тоже, – сказала я.

Он чуть заметно приподнял бровь, но не ответил. Развернулся и пошёл вглубь кабинета.

Кабинет оказался огромным, светлым и пустым до неприличия. Стол размером с небольшой аэродром, два кресла, стеллаж с папками, панорамное окно на стройплощадку. Ни фотографий. Ни растений. Слухи не врани.

Он сел, не предложив сесть мне. Раскрыл моё резюме и принялся читать, будто меня в комнате не было. Я стояла и слушала тиканье часов. Секунда, десять, тридцать. На сорок первой он сказал, не поднимая головы:

– Вы экономист.

– Да.

– Секретарём никогда не работали.

– Нет.

– Значит, не умеете ничего из того, что от секретаря требуется.

– Умею быстро учиться.

– Это то, что пишут все. – Он перевернул страницу. – Двадцать три года. Стаж два года. Ни одной рекомендации. Что вы здесь забыли?

Меня кольнуло. Но я уже поняла: пока он ищет, за что меня выгнать, нужно дать ему повод. Я поправила юбку и сказала:

– Мне нужны деньги.

Он поднял глаза.

– Простите?

– Мне нужны деньги, – повторила я. – Здесь платят втрое больше, чем в моём отделе. Я знаю, что у вас сменилось четыре секретаря за три месяца, и знаю почему. Я готова терпеть. Мне некуда деваться.

В кабинете стало очень тихо. Громов откинулся на спинку кресла и сложил пальцы домиком.

– Вы понимаете, что только что призналась, что у вас нет других вариантов?

– Понимаю.

– И что это делает вас уязвимой?

– Понимаю.

– Тогда зачем говорите?

– Потому что вы всё равно это выясните, – сказала я. – А я не люблю, когда мне вставляют палки в колёса, прикрываясь вежливостью.

Мне показалось, что у него дёрнулся уголок рта. Но, скорее всего, это был тик. Или игра света. Или инфаркт.

– Хорошо. Давайте проверим. – Он взглянул на часы. – Сколько времени вам понадобится на ответ тридцати письмам с расстановкой приоритетов?

– Двадцать минут.

– Сколько чашек кофе в день вы готовы приносить без жалоб?

– Столько, сколько вы выпьете. Но предупреждаю: на пятой чашке я начну вести статистику.

– Какую?

– Количество чашек к уровню вашего раздражения.

– Я никогда не раздражаюсь.

– Конечно, – сказала я. – Это просто такое выражение лица.

Секунда тишины. Я мысленно попрощалась с зарплатой, Егором, мамой и последними остатками гордости. Но Громов не стал меня выгонять. Он только очень медленно положил ручку на стол и посмотрел на меня так, будто я оказалась неожиданной переменной в формуле.

– Вы только что оскорбили генерального директора на собеседовании, – сказал он ровно.

– Я проанализировала ситуацию.

– Это одно и то же.

– Нет. Оскорбление не подкреплено цифрами.

Он потянулся к столу, достал из ящика лист и что-то размашисто на нём написал. Потом протянул мне.

– Испытательный срок две недели. Оклад на период испытательного срока сто двадцать тысяч. Выходить завтра в 7:30. Не опоздать ни на минуту. Опоздание и ошибка в документе для меня одно и то же. Кофе принести к 8:05, как написано на столе. Телефон держать при себе круглосуточно. Личную жизнь на период работы можно считать приостановленной.

– У меня брат десяти лет, – сказала я быстрее, чем успела прикусить язык.

– Мне это безразлично, – ответил Громов. – У всех кто-то есть. Если вас что-то не устраивает, дверь вы видели.

Я смотрела на лист. Подпись внизу размашистая, чёткая, как автограф на смертном приговоре.

– Условия принимаю, – сказала я.

– Вы даже не прочитали контракт.

– Прочитаю дома. Вы же не думаете, что я подпишу что-то, не посчитав.

Он снова очень чуть-чуть приподнял бровь и вернулся к бумагам.

– Свободны, Соколова.

Я вышла в приёмную на подкашивающихся ногах. Прислонилась к стене и выдохнула. На столе всё так же лежала записка про «кандидата 4». Я взяла её, смяла и выбросила в корзину. Рука дрожала так, что промахнулась с первого раза.

Потом достала телефон и написала Лиле: «Меня взяли».

«ЧТО?! Он тебя не съел?»

«Пока нет. Но, кажется, облизнулся».

«Вер, у тебя там всё нормально? Ты не плачешь?»

Я подумала.

«Нет. Я считаю. Тридцать пять дней до первой зарплаты. Нужно дожить».

Глава 3

Артём

Он повторил себе это в третий раз: взял её исключительно потому, что некого было брать.

Артём Громов стоял у окна и смотрел на строительный кран на соседнем участке. Двадцать минут назад девчонка в чёрном костюме покинула кабинет. А на столе остался лист с её заявлением, подписанный так, как будто она не расписывалась, а штамповала.

«Оскорбление не подкреплено цифрами».

Двадцать три года. Младший экономист. Ни опыта, ни связей, ни малейшего понятия о том, как разговаривать с генеральным директором. Волосы тёмно-русые, выбились из пучка и торчали с одной стороны. На правой руке царапина, видимо, от кухонной полки. Туфли дешёвые, но начищенные. Костюм явно куплен на распродаже и ушит дома.

А ещё она пахла хозяйственным мылом и мятой.

Он не собирался замечать этого, но заметил: у него всегда была привычка замечать детали, потому что на деталях строились и рушились состояния. Ничего личного. Он замечал, что у главбуха дрожат руки перед квартальным отчётом, что у юриста на пальце новое кольцо и расклад в тендере поменялся, что в охране кто-то говорит по телефону слишком тихо. Информация нужна, чтобы не быть дураком. Дураком он был один раз. Шесть лет назад.

Тогда он тоже верил людям. Партнёр, с которым они вместе начинали на съёмном столе в подвале, вывел половину контрактов, подделал две подписи и уехал в Дубай, как будто так и надо. Артём не спал трое суток и закрывал дыры из своих денег. С тех пор у него не было друзей и «просто знакомых». Были сотрудники, подрядчики и враги. Враги хотя бы честнее.

Секретари, которых ему присылал отдел кадров, оказывались одинаковыми. Либо улыбались и заглядывали в глаза, словно пытались разглядеть в нём спасителя или будущего мужа, либо через два дня писали заявление, потому что он «слишком требовательный». Последняя расплакалась, когда он указал на её почерк. Он, между прочим, был прав: неразборчивая цифра в накладной стоила компании полутора миллионов.

– Ты взял Соколову, – раздался голос от двери.

Павел Игоревич, заместитель по коммерции, стоял на пороге с двумя стаканами кофе. Единственный человек в компании, которому позволялось входить без стука. Тридцать четыре года, широкие плечи, вечная полуулыбка и привычка говорить правду слишком вовремя.

– Да.

– Она из планового. Я её в коридоре видел: девчонка совсем.

– Она старше, чем выглядит.

– Ей двадцать три.

– Значит, не младше, чем выглядит.

Павел поставил стакан на стол и устроился в кресле, закинув ногу на ногу.

– Артём. Она через неделю сбежит.

– Нет.

– Почему «нет»?

– Потому что ей нужны деньги, – ответил Артём. – Она сама мне это сказала, в лицо.

Остальные несли чушь про рост и вызовы. Эта прямо заявила, что ей некуда деваться.

– Это же слабое место.

– Это рычаг, – сказал Артём. – Человек, которому некуда деваться, работает лучше. Пока ему платят.

Павел отпил кофе и посмотрел на него внимательнее, чем нужно.

– Знаешь, что в тебе страшнее всего? Ты сейчас сказал это абсолютно спокойно.

– А как нужно было сказать?

– Не знаю. С сомнением. С угрызениями. Хоть с чем-нибудь.

– У меня их нет, – сказал Артём. – У меня есть тендер на сорок миллиардов, три проблемных объекта и юристы, которые не умеют читать договоры. Мне нужен секретарь, который не плачет. Всё остальное неинтересно.

– Она тебе понравилась.

– Нет.

– Ты чуть не улыбнулся, когда она сказала про статистику.

– Я не улыбаюсь.

– Я знаю тебя девять лет, – сказал Павел. – Видел, как ты улыбаешься, три раза. И все три раза конкуренты проигрывали тендер.

– Тогда, значит, это не тот случай.

Артём повернулся от окна. Взгляд у него был таким, что любой нормальный человек на этом месте закрыл бы тему. Павел не закрыл.

– Слушай, ну красивая же. Глаза у неё...

– Павел.

– Что?

– Она моя подчинённая. Ей двадцать три. Она ребёнок, который изображает взрослого, потому что жизнь заставила. Я не рассматриваю её ни в каком качестве, кроме рабочего. И если ещё раз услышу от тебя что-то подобное, я переведу тебя на объект в Мурманск.

– Там холодно.

– Именно.

Павел поднялся, но у двери обернулся.

– Спорим, через месяц ты её уволишь или сам же на неё и сорвёшься?

– Спорим, через месяц ты будешь пить кофе, который она сварила, и молчать, – сказал Артём.

– Это не спор. Это пророчество.

Павел вышел. Артём остался один. Тишина стояла в кабинете плотная, привычная, как стены. Он подошёл к столу, взял её резюме и ещё раз пробежал глазами. В самом низу, под графой «Дополнительные сведения», стояла приписка от руки, которую он не заметил на собеседовании:

«Живу с младшим братом. Ему 10 лет. Родителей нет».

Он перечитал строчку. Потом положил листок обратно. Никаких эмоций он не почувствовал. Жалость была бы слабостью. Но кое-что он всё-таки отметил: у неё на руках брат, значит, она не уйдёт. Значит, можно давить сильнее. Это удобно.

Он открыл ноутбук и составил для неё список на первый день. Четырнадцать пунктов. Расписание на неделю, звонки, согласования, три договора на вычитку, два на правку. Пункт девятый: «Встретить подрядчика из Новосибирска, который терпеть не может женщин и опаздывает на три часа». Пункт одиннадцатый: «Объяснить главбуху, почему его смета не сходится на два миллиона». Пункт тринадцатый: «Найти в архиве договор шестилетней давности без номера».

Любой нормальный человек сломается на третьем пункте. Если она продержится до вечера, значит, не врёт про деньги. Если нет, значит, его просто ждёт пятый секретарь. Ничего страшного: у отдела кадров есть ещё резюме.

Он отправил список на печать и посмотрел на часы. 9:12. До завтрашних 7:30 оставалось двадцать два часа и восемнадцать минут.

Это ничего не значило. Он всегда знал время до начала рабочего дня. Профессиональная привычка.

Глава 4

Будильник прозвенел в 5:20, и я успела пожалеть обо всём сразу: о тирании, о деньгах и об изобретении будильников.

Егора я будить не стала. Оставила на столе тарелку с бутербродами, записку «Баба Нина заберёт тебя в школу, слушайся её, она старая, но опасная» и ушла в темноту, как шахтёр. В дверях меня догнал сонный голос:

- Вер.
- М?
- Ты там не умри.
- Постараюсь.
- Если умрёшь, пароль от вайфая на холодильнике.

Я улыбнулась в потёмках. Хорошо, когда в семье есть человек, который умеет утешать практично.

В вестибюле «ГромСтроя» в 7:10 меня ждала Лиля. Круглая, румяная, в вязаном кардигане цвета грусти, она сжимала в руках бумажный пакет и смотрела на меня как на солдата, которого провожают на фронт.

- Держи, – сказала она торжественно. – Это «Устав выживших».
- Что?

– Его составляли все, кто сидел за твоим столом. Передаётся из рук в руки. Мне отдала Ирина, которая была третьей. Она уехала в Сочи работать администратором в отеле и клянётся, что там ей спокойнее.

Я развернула пакет. Внутри лежал сложенный вчетверо листок, исписанный разными почерками, и маленький кухонный термометр с щупом, какими проверяют мясо в духовке.

- Это зачем?
- Читай.

Я развернула листок.

УСТАВ ВЫЖИВШИХ

1. Не говорите «мне кажется». Говорите «по данным». 2. Не говорите «постараюсь». Он слышит «не успею». 3. Опоздание – это не минуты, это характер. 4. Не оправдывайтесь. Оправдание – это признание. 5. Не плачьте на этаже. Есть туалет на третьем, там акустика. 6. Не спрашивайте, как у него дела. Это воспринимается как разведка. 7. Не приносите ему еду. Он подзревает подкуп. 8. Не душитесь. Он чует с порога и молчит, а потом припоминает. 9. Не говорите «спасибо» первой. Он воспринимает это как слабость. 10. Кофе: 68 °С. Термометр в приложении. 11. Не смотрите ему в глаза дольше трёх секунд. Это вызов. 12. Не говорите «это очевидно». Для него очевидного не бывает. 13. Если он молчит, это не одобрение. 14. Если он сказал «хорошо» – бегите.

Я дочитала и подняла глаза.

– Лилия. Тут четырнадцать пунктов.

– Я знаю.

– Это что, у него магическое число?

– Это у нас магическое число выживания, – серьёзно сказала Лилия. – Больше четырнадцати пунктов никто не запомнил, а меньше не хватило.

– А пункт «не душиться»? Это правда?

– Антонина, вторая, пришла на третий день в «Шанели». Он попросил её выйти и проветриться. Она написала заявление в тот же час. Я думаю, дело было не в «Шанели», а в тоне.

– Каком?

– Таким, что с тобой разговаривает не человек, а кондиционер.

Я сунула листок в сумку. Термометр положила в карман пиджака. Он оттопыривался, как подозрительный пистолет.

В 7:29 я стояла перед дверью приёмной. В 7:30 вошла. На секретарском столе, который накануне выглядел как операционный, теперь лежал лист формата А4. Печатный текст, без приветствия. Список. Четырнадцать пунктов.

Я не выдержала и тихо хмыкнула.

«1. Кофе в 8:05.2. Ознакомиться с расписанием на неделю.3. Разобрать входящие письма (всего 187). Ответить на всё, что не требует моего участия.4. Позвонить в бухгалтерию, уточнить статус аванса подрядчику "СибМонолит".5. Подготовить отчёт по звонкам за прошлый месяц.6. ...»

Я пролистала глазами до конца. «9. В 11:00 встретить представителя "СибМонолита" Бурмистрова В. П. Он не любит женщин на должностях помощников и обычно опаздывает на три часа. Не реагировать». Дальше: «11. Объяснить главному бухгалтеру, что смета не сходится на два миллиона. Он будет возражать. Он неправ». И в самом низу: «13. Найти в архиве договор 2020 года с подрядчиком "Вега". Номера нет. Название предполагаемое. Справишься – хорошо. Нет – уволью».

Он не написал «пожалуйста». Он не написал «спасибо». Он написал «уволью», аккуратным ровным шрифтом.

Я села и положила руки на стол. Ладони были мокрые.

Ладно, Вера. Первое. Кофе.

Кофемашина стояла в углу приёмной. Блестящая, чёрная, с кнопками, как в самолёте. Я нажала на «эспрессо» и принялась ждать, держа наготове чашку, поставленную греться под горячей водой: холодная фарфоровая чашка съест два градуса, это физика, а физика, в отличие от генеральных директоров, меня никогда не подводила. 7:58 – первая попытка: 74 градуса. Слишком горячий. 8:01 – вторая: 71. Я оставила кофе остывать, вытащила термометр и засмеялась, как сумасшедшая, глядя на цифры.

8:04. Шестьдесят восемь.

8:05 я открыла дверь кабинета с подносом в руках.

Громов сидел за столом, склонившись над бумагами. Он даже не поднял голову.

– Поставьте.

Я поставила. Чашка тихо звякнула о блюдце.

– Пожалуйста, – сказала я в пространство.

Он молча взял чашку, сделал глоток. Потом открыл верхний ящик стола, достал оттуда такой же кухонный термометр и опустил щуп в кофе. У меня внутри что-то оборвалось. Он тоже?

– Шестьдесят шесть, – сказал он.

– Простите?

– Я просил шестьдесят восемь.

– В кофемашине было шестьдесят восемь. От стола до машины одиннадцать метров. Потери составляют два градуса, это закон теплообмена. Завтра я налью на семьдесят, и к вам придёт ровно шестьдесят восемь.

Он наконец поднял на меня глаза. Серые, цвета питерской воды в ноябре. Я успела сосчитать до трёх и вовремя отвела взгляд.

– Вы измеряли?

– Да.

– Заранее?

– Конечно.

Тишина. Что-то в его лице едва заметно дёрнулось, но я не успела разобрать, раздражение это или что-то ещё.

- Принято, – сказал он и вернулся к бумагам. – Список видели?
- Видела.
- Приступайте.

На слове «приступайте» я развернулась и вышла, держа спину прямо, как на параде. Закрыла за собой дверь, прислонилась к ней и беззвучно показала дверному полотну язык.

Пункт девять наступил в одиннадцать, пункт одиннадцать в четыре. Бурмистров из Новосибирска объявился в 14:10 и, не здороваясь, спросил, где «настоящий секретарь». Я сказала, что настоящий секретарь это я, а если нужен кто-то другой, то могу позвать охранника. Он хмыкнул и прошёл в кабинет, оставив после себя запах табака и недоверия.

Главный бухгалтер возражал полтора часа. Но смета не сходилась на два миллиона. Я не стала обзывать его по-научному, просто разложила цифры по строкам на экране. На сороковой минуте он перестал говорить про «особенности учёта» и начал говорить про «возможную техническую ошибку». На семидесятой минуте мы пили чай.

Договор шестилетней давности без номера лежал в архивной коробке, подписанной «Разное. До 2021». Нашла я его в десять вечера, на коленях, в пыли, в той самой юбке, которую берегла для похорон.

Когда я вернулась в приёмную, на столе лежало ещё три распечатки. Три договора. Сверху, всё тем же ровным шрифтом: «Вычитать до утра. Завтра в 10:00 совещание по "Сиб-Монолиту". Подписание. Громов А. А.»

Я посмотрела на часы. 22:40. Егор давно спал. Баба Нина оставила в чате один смайлик: «Всё нормально, дрыхнет как убитый».

Я заварила себе растворимый кофе и села читать. Первый договор оказался образцово скучным. Второй тоже. Третий, тот самый, что с Бурмистровым, на сорок страниц, лежал последним.

К половине второго ночи я дошла до приложения номер три. Спецификация работ, итоговая таблица. Я пробежала цифры глазами, потом перечитала, потом достала калькулятор.

Сумма по строкам не равнялась итогу.

Я пересчитала ещё раз. Потом в третий. Потом в столбик, как в школе, высунув кончик языка точно как Егор.

Итог был завышен. Не на рубль. На два миллиона один рубль.

Я положила калькулятор и долго смотрела на таблицу, а потом на дверь его кабинета.

Там было темно. И, по-моему, очень, очень тихо.

Глава 5

В десять утра переговорная «ГромСтроя» напоминала зал суда: длинный стол, тяжёлые кресла, панорамные окна, в которые ничего нельзя было увидеть, кроме собственного страха. Я сидела в углу с ноутбуком и блокнотом. Мне полагалось вести протокол и молчать.

Я не спала. Я проверила приложение номер три шесть раз. Один раз даже распечатала и пересчитала на бумаге ручкой, потому что не доверяла электронике в состоянии, близком к помешательству. Итог не изменился.

За столом собрались все. Громов сидел во главе, в идеальном тёмно-сером костюме, неподвижный, как бюст римского императора. Справа Павел Игоревич, который, увидев меня, едва заметно подмигнул. Слева главный юрист Семён Аркадьевич Ляшко, пятидесятилетний, седой и вальяжный, из тех, у кого на пиджаке всегда ни пылинки. Напротив Бурмистров из «Сиб-Монолита» с двумя помощниками, лоснящийся, самоуверенный, с лицом человека, который собирается подписать выгодную сделку и пообедать.

– Начнём, – сказал Громов.

Ровно, без интонаций. Так, наверное, читают приговор.

Ляшко поправил очки и начал зачитывать основные условия. Объём работ, сроки, штрафные санкции, порядок оплаты. Я записывала и каждые десять секунд поглядывала на приложение в распечатке, которую прижимала к столу локтем.

Нужно было что-то делать. Я видела, как Бурмистров улыбается. Видела, как Ляшко кивает. Видела, как Громов кладёт ладонь на стопку договоров, готовясь взять ручку.

Я оторвала от блокнота листок, быстро написала: «Приложение 3. Итог не сходится на 2 млн. СРОЧНО». Сложила пополам и передала Павлу Игоревичу через угол стола. Тот взглянул, поднял брови, наклонился к Громову и шепнул что-то на ухо.

Громов не посмотрел на листок. Он не повернул головы. Только сказал вполголоса, так, чтобы слышали все:

– Не отвлекайте.

Павел откинулся в кресле с видом человека, который сделал всё, что мог. Ляшко говорил. Бурмистров вытащил из кармана дорогую ручку. Громов открыл договор на последней странице.

Секунды сложились в очень простую арифметику. Если он подпишет, компания потеряет два миллиона. Если я встану, я потеряю, возможно, работу. А если я потеряю работу, мне не на что будет лечить Егора.

Два миллиона, подумала я. И, по-моему, мне тоже стало невыносимо.

Я встала.

– Артём Андреевич, у меня замечание.

В переговорной стало так тихо, что я услышала, как гудит кондиционер.

– Соколова, – произнёс Громов, не глядя на меня, – вы ведёте протокол.

– Я веду протокол. В протоколе будет написано, что вы подписали договор, в котором итог приложения номер три завышен на два миллиона один рубль.

Бурмистров перестал улыбаться. Ляшко снял очки.

– Девушка, – начал он мягко, как говорят с неразумными детьми, – приложения вычитывались дважды. Лично мной и юристом департамента.

– Вычитывались, – согласилась я. – Но не складывались.

Павел Игоревич издал странный звук, будто закашлялся. Ляшко побагровел.

– Вы, вероятно, не понимаете спецификации...

– Я экономист. Специфика этих цифр мне понятна лучше, чем кому-либо. – Я подошла к экрану, подключила ноутбук, вывела таблицу. – Позиция первая, вторая, третья. Сумма. Позиция семнадцать – сумма. Итог по строке. Теперь складываем.

Я нажала кнопку. В ячейке справа от итоговой строки загорелось число.

– Расхождение: два миллиона один рубль. Двенадцатая позиция, «Монтаж металлоконструкций», дублируется в двух разделах. Это не опечатка. Её просто вставили дважды.

Бурмистров поднялся.

– Это возмутительно! Я не потерплю, чтобы секретарша...

– Виктор Петрович, – сказал Громов.

Одно слово. Тихое, ровное. Бурмистров замолчал на полуслове.

Громов смотрел на экран. Долго, секунд пятнадцать. Потом медленно поднял руку.

– Пересчитайте.

– Простите?

– Пересчитайте сумму вручную. Вы, Соколова.

Я взяла маркер и принялась считать на доске. Позиция за позицией, столбик за столбиком, пока в переговорной слышался только стук маркера и тяжёлое дыхание Ляшко. На двенадцатой позиции я подчеркнула цифру красной линией.

– Итого, – сказала я, обернувшись. – Правильная сумма на два миллиона меньше.

Нехорошая, хрупкая тишина. Бурмистров сел обратно. Лицо его приобрело оттенок варёной свеклы.

– Это техническая ошибка, – выдавил он. – Мы исправим. Бывает.

– Конечно, бывает, – холодно сказал Громов. – Совещание окончено. Договор вернуть на доработку. Семён Аркадьевич, вы остаётесь. Павел, проводите гостей. Соколова...

Он наконец повернул голову. Я встретила с его серыми глазами, и счёт до трёх закончился в ту же секунду, но отвести взгляд я не смогла.

– В кабинет. Сейчас.

Он вышел первым. Дверь за ним закрылась без хлопка, но так, будто захлопнулась крышка гроба.

В переговорной остались только Павел Игоревич и я. Он смотрел на меня с выражением, в котором смешались восторг, сочувствие и профессиональное любопытство.

– Знаешь, Соколова, – сказал он тихо, – я за девять лет не видел, чтобы кто-то так красиво подписывал себе увольнение.

– Спасибо, – пробормотала я. – Вы очень поддерживаете.

– Если что, – он ободряюще похлопал меня по плечу, – я оставлю тебе рекомендательное письмо.

Я взяла ноутбук, блокнот, красный маркер и пошла навстречу собственной казни. По дороге вспомнила пункт четырнадцатый из «Устава»: «Если он сказал "хорошо", бегите».

Он ещё ничего не сказал. Но бежать, пожалуй, стоило уже сейчас.

Глава 6

Артём

Он стоял у окна спиной к двери и слушал, как она входит.

Шаги ровные. Не торопится и не замедляется. Каблуки, по-видимому, жмут: она слегка припадала на левую ногу, но шла прямо. Артём отметил это машинально, как отмечал всё, что могло пригодиться.

– Закройте дверь.

Щелчок замка.

– Сядьте.

– Постою, если можно.

– Сядьте.

Скрип кресла. Он выждал ровно десять секунд, давая ей время почувствовать неуютную тишину, и только потом повернулся.

Девчонка сидела на краю кресла, держа на коленях ноутбук, как щит. Лицо бледное, под глазами тени. Видимо, не спала. Пучок на затылке поплыл, одна прядь прилипла к виску. Руки не дрожали, он отметил и это.

– Вы понимаете, что сделали?

– Да.

– Объясните.

– Я указала на ошибку в договоре.

– Вы публично унизили главного юриста компании, партнёра, который пять лет работает со мной бок о бок, и подрядчика, с которым я веду переговоры уже полгода.

– Я не...

– Я не закончил. – Он не повысил голос. Ему это было не нужно. – Вы перебили меня при посторонних. Вы встали и сказали, что я собираюсь подписать документ с ошибкой. Вы вынудили меня пересчитывать при всех. Вы поставили под сомнение мою компетентность.

– Я передала вам записку, – тихо сказала она. – Через Павла Игоревича. Вы сказали «не отвлекайте».

Он помнил. Конечно, помнил. Он вообще редко что-то забывал, и это его свойство иногда превращалось в проклятие.

– Записка не заменяет согласования.

– Согласования с чем? Вы подписывали договор, в котором итог завышен на два миллиона. Если бы я согласовывала с вами, было бы уже поздно.

– Не указывайте мне.

– Я не указываю. Я считаю.

Он смотрел на неё секунд пять. Она не отводила глаз, хотя ему хорошо было видно, что это стоит ей усилий. Артём вдруг понял, что её тактика проста: не уступать, не оправдываться, не улыбаться. Её собственный «Устав» перевернут вверх ногами.

Он молча взял со стола распечатку, ту самую, с красной линией. Её рука. Её почерк, ровный, аккуратный, с идеальными нулями. Он положил рядом с ней свою копию договора и пересчитал сам. Один раз. Второй. На третьем уже ничего не нужно было проверять.

Ошибка была настоящей. Два миллиона один рубль. Не опечатка, не округление. Пункт двенадцать «Монтаж металлоконструкций» вставлен дважды. Кто-то вставил. Либо по глупости, либо с умыслом. Оба варианта были плохи.

Он положил листок на стол.

– Вы правы, – сказал он.

Слова вышли сухими, как печатный текст. Он не умел говорить их иначе, да и не соби-
рался учиться. Он никогда не говорил «спасибо» сотрудникам за то, что они делали свою
работу. Сотрудники получали деньги, и этого было достаточно.

Девчонка не шевельнулась.

– Это всё? – спросила она.

– Что именно вы ждали?

– Не знаю. – Она слегка пожала плечами. – Хотя бы «хорошо».

– Если я скажу «хорошо», вы побежите?

Она вздрогнула. Едва заметно. Но он заметил.

– Откуда вы...

– Устав, – сказал он ровно. – Мне его пересказывали. Ирина, третья по счёту, забыла
копию на столе. Я нашёл. Четырнадцать пунктов. Добавлю от себя ещё один: «Не обсуждайте
руководство с бухгалтерией».

Лицо у неё порозовело. Через секунду она нашла в себе силы сказать:

– Лиля не виновата.

– Лиля не будет наказана. Но следующая бумага, которую вы получите, пойдёт без согла-
сования с ней.

– Принято.

– Теперь к делу. – Он вернулся за стол и открыл папку. – Вы нашли ошибку, которую
пропустил Ляшко. Это значит, что вы работаете внимательнее, чем он. Вам это приятно?

– Нет.

– Почему?

– Потому что он сидел и смотрел на меня так, как будто я ему должна, – сказала она. –
Я не хочу, чтобы меня ненавидели за то, что я не ошиблась.

Он ничего не ответил. Не нашёл, что сказать. Это было непривычно, и он тут же отогнал
ощущение, как отгоняют муху.

– В течение следующих пяти дней, – произнёс он вместо ответа, – вы вычитаете все теку-
щие договоры. Все двенадцать. Каждую таблицу, каждое приложение. Все цифры. Результаты
мне на стол к пятнице.

– Это награда или наказание?

– Это нагрузка.

– Я так и поняла.

– Свободны.

Она поднялась, но на пороге остановилась.

– Артём Андреевич.

– Что ещё?

– Я не хотела вас унижить.

Он поднял глаза.

– Я знаю. Именно поэтому вы ещё здесь.

Она чуть заметно кивнула и вышла.

Артём остался один. Минуту сидел неподвижно, потом нажал кнопку внутренней связи.

– Семёна Аркадьевича ко мне.

Ляшко вошёл через четыре минуты. Сел, расправил плечи, приготовился защищаться.
Артём не дал ему этого шанса.

– Приложение номер три вы вычитывали лично?

– Артём Андреевич, это недоразумение. Я смотрел основной договор, а приложение
смотрел Владимир...

– Я спросил: лично?

– Нет.

– Тогда вы получаете письменное предупреждение. Первое. Второе будет увольнением. И вы напишете объяснительную: кто, когда и по чьему указанию вставил двенадцатую позицию дважды.

– Вы подозреваете, что это...

– Я ничего не подозреваю. Я требую объяснительную.

Ляшко вышел бледный. Артём достал из ящика кухонный термометр и несколько секунд смотрел на него, не понимая, зачем.

Потом достал ещё одну бумагу, чистый лист, и написал: «Проверить, кто в "СибМонолите" вносил правки в приложения».

Подчеркнул. И ещё раз подчеркнул.

Бурмистров был слишком уверен в себе. Люди, которые не нарушают закон, так не улыбаются.

Ближе к вечеру он вернулся в кабинет после совещания у заместителя и обнаружил на столе маленькую картонную коробочку. Внутри лежал новый электронный термометр, из тех, что продают в аптеке. Сверху прикреплена жёлтая бумажка, написанная всё тем же аккуратным почерком:

«Для приёмной. Чтобы вы не сомневались. В. С.»

Он уставился на коробочку. Потом на записку. Потом на дверь в приёмную, за которой горел свет и было слышно, как она печатает. Быстро, ровно, без пауз.

Никаких эмоций. Только раздражение. Ему не нужен был второй термометр. У него уже есть один.

Он убрал коробочку в ящик, к первому, и захлопнул его.

Нельзя было сказать, что его это позабавило. Ничуть.

Просто на следующий день ровно в 8:05 в чашке оказалось шестьдесят восемь градусов. Он проверил. Дважды.

Глава 7

На объект мы выехали в шесть утра, и я сразу поняла, что неделя будет долгой.

– Вы поедете со мной, – сказал Громов в пятницу, не отрываясь от монитора. – Помощник обязан знать, что именно подписывает и оплачивает.

– Хорошо. Что мне надеть?

– Обувь, в которой можно ходить.

Он даже не посмотрел на мои ноги. Но произнёс «обувь» с таким нажимом, что я поняла: туфли на каблучке он заметил ещё в первый день и занёс в графу «недостатки сотрудника».

Другой обуви у меня не было. Были кроссовки Егора сорокового размера, но в них я выглядела бы как клоун, вторгшийся на похороны. Поэтому в субботу я оделась в чёрные брюки, белую блузку и всё те же туфли. Только каблук выбрала пониже. На два сантиметра. Победа разума.

Мы ехали молча. Он за рулём чёрного внедорожника, я рядом с ноутбуком на коленях. Громов вёл машину так же, как делал всё остальное: ровно, чётко, без единого лишнего движения. Я смотрела в окно, как город редет, превращаясь в промзону, потом в поля, и считала, во что обходится бензин на такие поездки. Потом перестала, потому что сама мысль о том, что я оцениваю бензин тирана, показалась мне смешной.

– Вы всегда считаете? – спросил он вдруг.

Я вздрогнула. За сорок минут это была его первая фраза.

– Простите?

– Вы шевелите губами. Когда считаете.

– Привычка.

– Плохая. Противник видит, когда вы думаете о деньгах.

– Я не знала, что у меня есть противники.

– У всех есть, – сказал он и снова замолчал.

Жилой комплекс «Северная гавань» выросал над полем, как гигантский улей: три башни по двадцать пять этажей, ещё три в виде серых бетонных скелетов, вокруг кучи песка, щебня и техники. Всё гудело, стучало и ползло. Небо было свинцовое, накрапывал мелкий дождь, и земля под ногами стояла сплошным месивом цвета какао с молоком.

Громов остановился у вагончика с надписью «Штаб». Вышел, открыл багажник, достал две каски и два жилета оранжевого цвета.

– Надевайте.

Каска оказалась мне велика и сползла на нос. Жилет тоже. Я выглядела так, будто меня запахнули в абазур.

– Выглядите достойно, – сказал Громов, не моргнув.

Я не поняла, издевается он или нет. На всякий случай решила считать это комплиментом.

Прорабов было трое. Они вышли из вагончика, как делегация, выстроились в ряд, и я сразу определила кто есть кто. Старший, Михалыч, лет пятидесяти пяти, усатый, с лицом, как печёное яблоко. Второй, Гена, здоровенный и молчаливый. Третий, Костя, молодой, вертлявый, с живыми глазами, который при виде меня едва не присвистнул, но вовремя поймал взгляд начальника.

– Артём Андреевич, – прогудел Михалыч, пожимая руку Громову. – Не ждали. Что-то случилось?

– Проверка. Это Соколова, мой помощник. Она будет смотреть документы. Вы будете помогать.

Михалыч окинул меня взглядом сверху вниз. От каски до туфель. На туфлях взгляд задержался.

- Помощник, – повторил он без выражения.
- Помощник, – подтвердила я.
- В таком виде?
- В каком виде?
- В таком.

Костя за его спиной вполголоса сказал Гене: «Тысяча, что до обеда не дотянет». Гена едва заметно кивнул, будто принял ставку.

Я слышала. Прекрасно слышала. Но сделала вид, что нет, и достала блокнот.

– Начнём с журнала приёмки материалов, – сказала я. – Покажите, пожалуйста, акты за последние два месяца.

Первые два часа были похожи на кросс по пересечённой местности. Мы шли по этажам, которых ещё не было, по доскам, перекинутым через котлованы, по лестницам, у которых забыли поставить перила. Я смотрела под ноги, потому что видела по сторонам только стройку, а стройку я видела впервые. Вокруг орали, сверлили, таскали мешки. Один раз мимо проплыла плита на тросе, и я присела от неожиданности. Громов, шедший впереди, обернулся, оценил расстояние и сказал:

- До земли восемь метров. Не упадёт.
- Откуда вы знаете?
- Я её подписывал.

Он повернулся и пошёл дальше. Я посмотрела ему в спину и подумала, что ради такого ответа стоило бы создать отдельный раздел в «Уставе выживших».

К одиннадцати каблук поплыл. Шнурки всех здешних сапог давно бы промокли и развязались, а мои бедные туфли просто стали одним сплошным куском глины. Я чувствовала, как с каждым шагом проваливаюсь всё глубже. На подъёме к третьей башне туфля застряла в жиже и осталась стоять. Я прошла ещё шаг на носке второй и поняла, что падаю.

Упала красиво. Всем корпусом, с брызгами во все стороны. Блокнот в одну сторону, каска в другую, я сама по колено в грязи цвета какао.

Секунду стояла тишина. Потом Костя за моей спиной сдавленно хрюкнул. Гена отвернулся. Михалыч смотрел на меня с каменным лицом.

Громов подошёл. Остановился над моей поверженной тушкой. Я подняла на него глаза, готовая к чему угодно: к увольнению, к насмешке, к ледяному взгляду.

Он молча протянул руку. Я схватилась за неё, и он выдернул меня из грязи одним движением, как гвоздь из доски. Рука у него оказалась тёплая и жёсткая. Он тут же отпустил.

- Сапоги, – сказал он, глядя мимо меня на прорабов.
- Что?
- Ей нужны сапоги. Размер?
- Тридцать седьмой, – пробормотала я.
- Тридцать седьмой, – повторил он Михалычу. – Через пять минут.
- Михалыч моргнул.
- Артём Андреевич, у нас тут мужские...
- Через пять минут.

Тот развернулся и ушёл, не продолжив спор.

Я стояла в одной туфле, в брюках, на которых можно было выращивать картошку, и чувствовала, что меня вот-вот разорвёт между желанием сквозь землю провалиться и желанием расхохотаться. Победило второе. Я посмотрела на свою ногу, потом на Громова и тихо сказала:

- Если это тест, я его провалила.
- Это не тест.
- Тогда что это?
- Грязь, – сказал он.

Я не удержалась и фыркнула. Он не улыбнулся. Но на долю секунды в его лице что-то дрогнуло. Я решила, что мне показалось.

Сапоги принесли через четыре минуты. Тридцать девятый размер, огромные, резиновые, с мужской надписью «Сделано в Китае» на подошве. Я натянула их, подвернула штанины и встала. Чувствовала себя Дюймовочкой в чужом лягушачьем костюме, но идти было можно.

– Продолжаем, – сказала я и подняла блокнот.

Следующие три часа я не разгибалась. Мы дошли до склада арматуры, где я задала Михалычу один простой вопрос: сколько тонн арматуры списано на третью башню за август?

– Сто восемьдесят, – ответил он.

– А сколько фактически пошло в дело?

– Ну... сто восемьдесят.

– По журналу приёмки на склад поступило сто шестьдесят четыре.

Пауза.

– Это техническая ошибка, – выдал Михалыч, и я невольно подумала, что у них в «Гром-Строе» есть какой-то общий словарь оправданий.

– Конечно. Но шестнадцать тонн арматуры стоит около миллиона. Давайте найдём, где ошибка.

Мы нашли. К шести вечера ошибка оказалась не техническая: шестнадцать тонн «ушли» на соседний участок, где «Северная гавань» не строила ничего. Михалыч побледнел, потом покраснел, потом вызвал по рации Костю, и они втроём с Геной долго шептались у вагончика. Громов стоял в стороне и молчал. Я не знала, что он думает. Но я видела, как его пальцы, сложенные за спиной, стали белыми.

Когда мы вышли к машине, уже темнело. Я шла в тридцать девятых сапогах, волоча ноги, как ветеран, и думала только об одном: ванна, чай, Егор.

– Соколова, – сказал Громов.

– Да?

– Деньги выдали?

– Какие деньги?

Он кивнул на вагончик. На ступеньках стоял Костя и, широко улыбаясь, махал мне тремя тысячными купюрами.

– Это ваше! – крикнул он. – Мы ж на вас ставили! Они на вылет, а я на то, что дойдёте до вечера! Спасибо, выиграл!

Я посмотрела на Громова. Тот смотрел на Костю.

– Вы ставили на то, что она дойдёт?

– Так точно, Артём Андреевич! Я же видел, как она с журналом... – Костя осёкся.

– Михалыч сколько поставил?

– Что до обеда не дотянет.

– А Гена?

– Гена тоже, но он пассивно.

– Понятно.

Громов повернулся ко мне.

– Заберите деньги. Это ваша доля.

– Я не ставила.

– Вы выиграли. Для них, для себя, для компании. Заберите.

Он сел в машину, захлопнул дверь, и я поняла, что разговор окончен.

Я подошла к Косте, взяла купюры, поблагодарила. По дороге обратно, пока машина тряслась по ухабам, достала телефон и написала Лиле: «Я упала в грязь на глазах у трёх прорабов и босса. Выиграла три тысячи. Теперь думаю, что жизнь удалась».

Лилия ответила: «Он что-нибудь сказал?»

«Сказал "грязь"».

«И всё?»

«Всё. Но сапоги принёс».

Я посмотрела в окно на тёмное поле. Потом незаметно, краем глаза, на Громова. Он смотрел на дорогу. Лицо у него было такое же, как всегда. Ровное, холодное, без единой эмоции.

Но на приборной панели лежал мой блокнот. Тот самый, который я уронила в грязь. Кто-то вытер его от глины.

Глава 8

Тендер на застройку квартала «Новая набережная» стоил сорок два миллиарда рублей.

Я узнала об этом в понедельник, когда Громов положил передо мной папку толщиной с кирпич и сказал: «К четвергу всё должно быть собрано, проверено и подано». В четверг. В девять утра. На электронной площадке, которая закрывается ровно в 9:00:00 по московскому времени, не принимая ни одной минуты опоздания.

К среде вечером я перестала видеть цифры и начала видеть сны, где буквы выстраивались в строй и маршировали по моей голове.

– Соколова, – сказал он в 21:40, не отрываясь от экрана, – вы остаётесь.

– Я знаю.

– Домой звонили?

– Баба Нина с Егором. Всё хорошо.

– Баба Нина?

– Соседка. Она старая, но опасная.

Он на секунду замолчал. Потом сказал:

– Хорошо.

Я замерла. Руки зависли над клавиатурой.

– Что-то не так?

– Нет, – сказала я. – Просто пункт четырнадцать.

– Какой пункт?

– Из «Устава».

– Вы собираетесь бежать?

– Пока нет. Но держусь поближе к выходу.

Он ничего не ответил. Но мне показалось, что плечи у него едва заметно дрогнули.

К полуночи офис опустел. Юристы разошлись, бухгалтерия давно спала, охрана на первом этаже смотрела телевизор. Остались мы двое и четыре ноутбука. Я сидела в приёмной за своим столом, он в кабинете, дверь открыта. Каждые пятнадцать минут он говорил что-нибудь: «Приложение шесть», «Справка из налоговой», «Банковская гарантия». Я приносила, он смотрел, кивал или говорил «Нет». Слово «нет» он произносил так, что хотелось немедленно пересмотреть всю свою жизнь.

В полвторого у меня заурчал живот.

– Соколова.

– Да?

– Ваш живот мешает мне думать.

– Простите, это не по моей воле.

– Вы ужинали?

– Бутерброд. В шесть.

Он на секунду откинулся в кресле и потёр переносицу. Я заметила, что у него покраснели глаза, как у человека, который смотрит на экран слишком долго.

– В кабинете есть холодильник.

– Там пусто. Я проверяла.

– Тогда закажите что-нибудь.

– За чей счёт?

– За мой.

Я не поверила. Но решила не рисковать и открыла приложение доставки.

– Что вы хотите?

– Ничего.

– Совсем?

– Я не ем в офисе.

– Артём Андреевич, ночь, у вас вторые сутки четыре часа сна...

– Заказывайте для себя.

Я посмотрела на него. Он смотрел в монитор. Я заказала две пиццы: «Маргариту» и «Четыре сыра». Просто так, на всякий случай.

Курьер приехал через двадцать минут. Я принесла коробки в приёмную, открыла, и запах расплавленного сыра поплыл по пустому этажу, как приглашение на пытку. Я откусила кусок «Маргариты» и чуть не заплакала от счастья.

– Вы едите так, будто это последняя еда в вашей жизни, – сказал он с порога кабинета.

Я подскочила.

– Простите, я...

– Не надо. – Он прислонился к косяку, засунув руки в карманы. – Сколько стоит?

– Что?

– Пицца.

– Восемьсот пятьдесят за обе.

– Дайте.

– Что?

– Кусок.

Я подала ему коробку с «Четырьмя сырами». Он взял кусок двумя пальцами, как улику, откусил и несколько секунд жевал, глядя в стену.

– Это ужасно.

– Это пицца.

– Это единственное, что я ел за последние двадцать часов, – сказал он. – Если расскажете кому-нибудь, уволю.

– А если расскажу?

– Тогда уволю.

– Это одно и то же.

Он едва заметно приподнял бровь, взял второй кусок и пошёл обратно к себе. Я осталась стоять, держа в руке недоеденную корочку и очень старательно не улыбаясь. Выиграла. Не знаю, что именно, но выиграла.

В половине четвёртого отключили отопление. Это было в духе здания: система на ночь переходила в экономичный режим, и температура в офисе падала с двадцати двух до пятнадцати. Я поёжилась. Тонкий пиджак не спасал, а толстого свитера я не взяла, потому что утром не подозревала, что придётся ночевать на рабочем месте.

Я сидела, сжав коленями ладони, и печатала. Пальцы немели. Текст расплывался.

– Соколова.

– Да?

– Вы стучите зубами.

– Это не я. Это здание.

– Это мешает работать.

– Я постараюсь пре...

– Вот.

Что-то мягкое и тёплое приземлилось мне на плечи. Я моргнула. Серый пиджак. Тот самый, в котором он сидел с самого утра. Тёплый от его тела, пахнущий кедром и чем-то горьким, что я не смогла определить. Тяжёлый, как плед.

Я подняла глаза. Громов уже шёл обратно к кабинету. Спина ко мне. В одной рубашке, рукава закатаны до локтей.

– Артём Андреевич...

- Не благодарите.
- Я не собиралась.
- Хорошо.

Он вошёл в кабинет. Я осталась сидеть, закутанная в его пиджак, с гулко стучащим сердцем и ощущением, что я что-то упустила. Но что именно, понять не могла.

Конечно, он не из заботы. Конечно, ему просто мешал стук моих зубов. Конечно.

Я накинула пиджак плотнее и вернулась к приложению номер девять.

В 5:10 я нашла ошибку.

Не в договорах. В банковской гарантии. Срок действия был указан до 31 декабря, а по условиям тендера требовалось до 31 января следующего года. Один месяц. Тридцать один день, которые превращали нашу заявку в бумажку.

Я вскочила так, что стул отъехал и ударился о стену.

– Артём Андреевич!

Он выскочил из кабинета через две секунды, и по лицу было видно, что он не спал вообще.

– Что?

– Гарантия. Срок. Не хватает месяца. Банк надо переоформлять, а банк открывается в девять!

Мы стояли друг напротив друга. В тишине я слышала, как тикают часы над моим столом. Девять. Сто восемьдесят минут до дедлайна. Банк в девять. Заявка в девять. Он посмотрел на гарантию, потом на меня, потом на часы.

– Звоните.

– Кому?

– Управляющему «Промбанка». Телефон в моём ежедневнике, страница шестнадцать, личный.

– Сейчас пять утра!

– Звоните.

Я открыла ежедневник. Страница шестнадцать. Телефон, подписанный от руки: «Зуев Аркадий, управляющий, личный. Только по критическим вопросам». Я набрала номер. Гудки. Пять, шесть, семь. Я уже собиралась сдать трубку, когда трубку сняли.

– Алло? – хрипло сказал мужской голос.

– Аркадий Валентинович, это Вера Соколова, помощник Громова. Простите, что в такое время. У нас критическая ситуация.

– Громов? Что он снова...

– Нужна переоформленная банковская гарантия. До девяти утра. Срок до тридцать первого января.

Пауза. Долгая. Потом вздох.

– Он вас заставил позвонить?

– Он сказал: «Звоните».

– И вы позвонили.

– Да.

– В пять утра.

– Да.

– Знаете, – сказал Зуев, – он за пять лет ни разу не попросил меня о личной услуге. Вы первая, кто ради него решился. Хорошо. Минут через двадцать в системе появится документ. Но с вас кофе. Лично.

– Договорились.

Я положила трубку и обернулась. Громов стоял рядом. Совсем рядом. Я не заметила, как он подошёл.

- Что сказал?
- Через двадцать минут. С меня кофе.
- С вас?
- С меня. Лично. Это он так выдвинул условие.

Громов смотрел на меня долго. Дольше, чем следовало. А потом сказал медленно, будто взвешивая каждое слово:

- Вы взяли обязательство от моего имени.
- Простите.
- Не извиняйтесь. – Он провёл рукой по лицу. – Это... правильно.

Я замерла. «Правильно». Не «хорошо». Не «приступайте». Просто «правильно».

– Спасибо, – сказала я и тут же вспомнила пункт девятый из «Устава»: «Не говорите "спасибо" первой».

Он, конечно, заметил. Но промолчал.

Документ пришёл в 5:38. Заявку мы подали в 8:41. За девятнадцать минут до закрытия, с ощущением, будто пробежали марафон по минному полю. Я нажала «Отправить» дрожащим пальцем. На экране вспыхнула зелёная надпись: «Заявка принята».

Я откинулась на спинку стула и закрыла глаза.

- Соколова.
- М?
- Пиджак.

Я открыла глаза. Он стоял надо мной, протянув руку. Я сняла пиджак и отдала. Он надел его, не глядя на меня, поправил манжеты.

- Идите домой. Вернитесь к двенадцати. Вам нужно поспать.
- Вы тоже.
- Я не сплю.
- Это видно.

Он остановился у двери кабинета, не оборачиваясь.

- Кофе, Соколова. Шестьдесят восемь градусов. На двенадцать.
- Обязательно.

Он вошёл в кабинет, закрыл дверь. Я осталась сидеть среди пустых коробок из-под пиццы, остывшего кофе и четырёх ноутбуков. И только в лифте вдруг поняла, что улыбаюсь. Просто так. Без причины.

Наверное, от усталости.

Глава 9

Артём

В 12:00 на столе стояла чашка.

Он не поднимал головы. Знал, что это она. Шаги, как всегда, ровные, дыхание тихое. Нет, он бы заметил по запаху. Мята и хозяйственное мыло, чёрт побери. Неужели нельзя пользоваться нормальными духами? Кто в двадцать три года пахнет как бабушкин сундук?

– Поставьте.

– Поставила.

– Свободны.

– Артём Андреевич, там Павел Игоревич просил...

– Свободны.

Шаги отдалились. Дверь закрылась. Он взял чашку, опустил термометр. Шестьдесят восемь.

Раздражение вернулось с удвоенной силой.

Он не любил, когда что-то работало слишком хорошо. Хорошо работающий механизм вызывал подозрения: либо в нём скрыта поломка, либо кто-то подкручивает винтики за его спиной. Девчонка за две с половиной недели выучила, как он пьёт кофе, как читает бумаги и как говорит «нет». Это настораживало.

Он включил ноутбук и открыл письмо от начальника службы безопасности. Письмо пришло час назад. Он прочёл его трижды, пока ехал домой на три часа сна, и перечитал сейчас.

«Артём Андреевич, по вашему запросу. Приложения к договору с "СибМонолитом" открывались и редактировались за неделю до подписания. Последние правки внесены в четверг, в 23:12. Устройство: рабочая станция внутри корпоративной сети "ГромСтроя". Конкретный компьютер установить пока не удалось. Продолжаю».

Внутри корпоративной сети.

Он закрыл письмо. Откинулся на спинку кресла и смотрел в потолок. Тишина в кабинете звенела.

Либо у него завёлся крот. Либо это был чей-то неумелый промах, но в такие совпадения он не верил. Двенадцатая позиция вставлена дважды, в приложении, которое проверяют юристы, бухгалтерия и коммерческий отдел. Кто-то хотел, чтобы он подписал. Кто-то знал, что у «СибМонолита» завышенная цена не вызовет вопросов, потому что в договоре была сложная структура расчётов. Кто-то в его компании работал с Бурмистровым.

А девчонка эту схему сломала. За два дня до тендера.

Он потянулся и нажал кнопку внутренней связи.

– Игорь Станиславович, зайдите.

Начальник СБ вошёл через три минуты. Бывший майор, сухой, не улыбочивый, с лицом, которое никогда ничего не выражало. Артём считал это лучшим качеством для человека на его должности.

– Садитесь. Что по правкам?

– Работаем. Через неделю будет полная картина.

– Мне нужно быстрее. И ещё. – Артём помолчал. – Вы будете проверять всех, кто имел доступ к договору. Без исключений.

– Понял.

– В том числе новых сотрудников.

Майор приподнял бровь.

– Новых?

– Соколову. Помощника. Она пришла на прошлой неделе.

– Артём Андреевич, но ведь именно она...

– Именно она нашла ошибку. Я помню. Это ничего не меняет. Либо она честный человек и проверка это подтвердит, либо нет. Мне нужно знать, кто она. Откуда. С кем общается. Откуда у неё деньги на лечение брата и что за брат.

– Лечение?

– В личном деле указано, что на иждивении несовершеннолетний. Возможно, нужны большие суммы. Деньги толкают людей на странные поступки.

– Принято.

– Тихо. Без её ведома. Результат лично мне.

– Принято.

Майор вышел. Артём остался один и посмотрел на стол, где остывала чашка. Он выпил её. Не из удовольствия, а потому что так было правильно: кофе нельзя оставлять.

Тридцать лет жизни научили его одному: людей нужно проверять. Всех. Не потому что все плохие. Просто потому, что ошибка в расчёте человека стоит дороже ошибки в расчёте сметы. Шесть лет назад он поверил человеку и потерял половину дела. Больше он такой ошибки не допустит. Ни ради чьих-то зелёных... каких зелёных? У неё глаза карие. Какое это имеет значение?

Он нахмурился и встряхнул головой.

В дверь постучали.

– Да.

На пороге стоял Павел. С двумя стаканами кофе из кофейни на первом этаже и ухмылкой, от которой Артёму захотелось немедленно отправить его на Крайний Север.

– Слышал, ты ночевал в офисе.

– Не ночевал. Работал.

– С пиццей. И с секретарём. И с пиджаком на её плечах.

– Откуда ты...

– Охрана. – Павел сел в кресло. – Дежурный видел в камеру. Они ставили ставки, придёшь ты к девяти или останешься.

– У нас в компании все ставят?

– Артём, ты у нас как погода. Люди должны на что-то ставить.

Артём поднялся и подошёл к окну.

– Это была рабочая необходимость. Она тряслась от холода, это мешало.

– Мешало.

– Да.

– Тебе.

– Мне.

– Понял, – сказал Павел и отпил кофе. – Спорим, что на следующем тендере ты предложишь ей свитер?

– Не предложу.

– Тогда тёплую кофту. Шарф. Валенки.

– Павел.

– Молчу. – Он замолчал. На три секунды. – Слушай, а можно спросить? Только честно.

– Нет.

– Она тебе нравится?

Артём повернулся от окна. Взгляд у него был тяжёлый, потому что он только что сдержался, чтобы не ответить резче.

– Она мой сотрудник, – сказал он ровно. – Эффективный. Полезный. Пока что. Когда она перестанет быть полезной, я найду другого. Это всё. Никаких «нравится». Никаких «не нравится». Просто рабочий инструмент.

– Звучит жестоко.

– Это называется «управление».

– А она в курсе, что она инструмент?

– Она не спрашивала.

– Умная девочка, – сказал Павел. – Видимо, понимает, что иногда лучше не спрашивать.

– Выйди.

– Уже иду.

Павел поставил один стакан на стол. Уходя, у двери остановился.

– Знаешь, что самое смешное? Я тоже ставил. На то, что ты её уволишь через неделю.

Вчера отдал ставку охране.

– Проиграл?

– Ещё как, – сказал Павел. – И знаешь, мне не жалко.

Он вышел. Артём остался один и долго смотрел на закрытую дверь.

Он не стал думать о том, почему ему вдруг стало неприятно от слов «рабочий инструмент». Не стал думать о том, почему утром, ровно в 8:05, он поймал себя на том, что прислушивается к звуку шагов в приёмной. Ровно в 8:05, в 8:04 и в 8:03. И ждёт.

Не её. Кофе. Конечно, кофе.

Во вторник она пришла в 7:29 и сказала с порога, ровным, ехидным голосом: «Доброе утро, Артём Андреевич. Температура в приёмной шестнадцать, в кабинете двадцать два, а на улице минус три. Курточку не снимайте».

Он подумал: «Идиотка».

А потом почему-то подумал: «Забавная».

И тут же вычеркнул вторую мысль из головы, как вычёркивают ошибочную строку в смете. Он не имел права тратить время на такие вещи. У него был тендер на сорок два миллиарда, крот в компании и девчонка, которую нужно было проверить до доньшка.

Он взял телефон и написал майору короткое сообщение: «И внимательнее. Всё, что связано с ней. Каждый платёж, каждый звонок».

Отправил. Положил телефон экраном вниз.

И только потом заметил, что в чашке, которую он пил минуту назад, на дне лежала маленькая бумажка. Свёрнутая вчетверо. Видимо, она подложила под блюдо. Он развернул.

Почерк круглый, быстрый, женский:

«Не забудьте поесть. По данным, организм без еды работает на 40% хуже. В. С.»

Он смотрел на бумажку почти минуту. Потом скомкал её. Потом, помедлив, разгладил и положил в ящик стола, рядом с двумя термометрами.

Просто так. На всякий случай.

Глава 10

Столовая «ГромСтроя» располагалась на втором этаже и пахла котлетами, борщом и коллективной усталостью. Я пришла туда впервые за две недели. Раньше обедала у стола, между звонками, заталкивая в себя бутерброд, как топливо в котёл.

Лиля заняла нам столик у окна и встретила меня так, будто я вернулась с войны.

– Живая! – она вскочила и сжала мои руки. – Худая, бледная, но живая. Садись, я взяла тебе гречку с котлетой и компот. Не спорь.

– Я не спорю.

– Ты вообще ничего не говоришь, это подозрительно.

Я села и посмотрела на тарелку. Гречка выглядела как произведение искусства. Я съела половину котлеты раньше, чем Лиля успела сесть напротив.

– Рассказывай, – велела она, подперев щеку кулаком.

– Что рассказывать?

– Всё. Про ночь в офисе. Про пиццу. Про пиджак. Про то, что охрана ставила на вас с Грозовым деньги.

Я чуть не подавилась.

– Откуда ты знаешь?

– Вера. Я работаю в бухгалтерии. Нам известно всё: кто сколько получает, кто с кем ругался и кто в какой день берёт отгул «по семейным обстоятельствам». Про твою ночь знает даже уборщица тётя Зина, а она на пенсии по инвалидности и вообще редко выходит из подсобки.

– Это была рабочая ночь.

– В пиджаке.

– Мне было холодно!

– Ему было холодно?

– Ему было всё равно. Это он пиджак отдал. Потому что мои зубы мешали ему работать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.